

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-525-543>

Научная статья / Research article

Перипетии судьбы калмыцкого владельца Петра Тайшина: от принятия христианства до создания поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье (1724–1737 гг.)

С.В. Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет;
460844, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; kaf_rushistory@ospu.su

The Vicissitudes of the Fate of the Kalmyk Nobleman Petr Taishin: from the Adoption of Christianity to the Establishment of a Settlement of Baptized Kalmyks in the Middle Volga Region (1724–1737)

Stepan V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University;
19, Sovetskaya St., Orenburg, 460844, Russia; kaf_rushistory@ospu.su

Аннотация: В контексте целенаправленной христианизации калмыков и междоусобной борьбы за верховную власть в Калмыцком ханстве в 1724–1735 гг. рассматривается судьба и политическая деятельность первого крещеного калмыцкого владельца Петра Тайшина. В историографии, сложившейся под влиянием историков Церкви, он характеризуется как склонный к измене интриган, принявший христианство лишь для того, чтобы заручиться поддержкой России в борьбе за ханский престол. Данная публикация призвана персонифицировать Тайшина как исторического деятеля. Для преодоления ангажированности, бытующих в историографии характеристик и расширения источниковой базы привлечены документы из фондов Архива внешней политики Российской империи. В них содержится переписка калмыцкого владельца с правительственными учреждениями и их должностными лицами. По мнению автора, имперские власти переоценивали политические перспективы перехода в христианство П. Тайшина. Должным образом не было учтено влияние буддийского духовенства на калмыцкий народ и его властную элиту. К неудовольствию правительства, П. Тайшин примкнул к оппозиционной калмыцкому хану партии калмыцких владельцев и после смерти старшего брата стал открыто оспаривать право на ханский престол. Военное вмешательство России в междоусобный конфликт, пленение П. Тайшина и последовавшая вскоре вынужденная замена верховного правителя Калмыцкого государства стали поводом для корректировки правительственного курса в отношении крещеных калмыков. Было принято решение об их передаче под управление П. Тайшина и переселении на территорию России. В результате реализации этого решения в Калмыцком ханстве исчез очаг социальной напряженности, а Россия приобрела людские ресурсы для заселения пустующего пространства в Среднем Поволжье, а позднее и в Оренбургской губернии. Поселение крещеных калмыков на Средней Волге более чем на сто лет пережило инициатора своего основания Петра Петровича Тайшина и внесло существенный вклад в хозяйственное освоение и обеспечение обороны обширного Оренбургского края.

Ключевые слова: Астраханская губерния, власть, империя, калмыки, крещение, Оренбургская экспедиция, улус, ханство

© Джунджузов С.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: *Джунджузов С.В.* Перепетии судьбы калмыцкого владельца Петра Тайшина: от принятия христианства до создания поселения крещенных калмыков в Среднем Поволжье (1724–1737 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 525–543. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-525-543>

Abstract: The present paper analyzes the fate and political activities of the first baptized Kalmyk vladelets Peter P. Taishin in the context of the purposeful Christianization of the Kalmyks and the internecine struggle for supreme power in the Kalmyk Khanate in 1724–1735. Historiography has developed under the influence of Church historians; the latter mostly described Taishin as a treacherous schemer who converted to Christianity only to enlist Russia's support in the struggle for the Khanate's throne. The present study is meant to portray P. Taishin as a historical figure. To overcome the bias in historiography, the author made use of previously unstudied materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire, in particular Taishin's correspondence with government agencies and officials. According to the author, the imperial authorities overestimated the political prospects of Taishin's embrace of Christianity. The influence of the Buddhist clergy on the Kalmyk people and their power elite was not duly taken into account. To the displeasure of the government, Taishin joined one party of Kalmyk nobility that stood in opposition to the Kalmyk khan, and after the death of his older brother, Taishin began to openly dispute the Khan's right to the throne. Russia's military intervention in the internecine conflict led to Taishin's capture and to the forced replacement of the supreme ruler of the Kalmyk state. These events triggered a change in the government's policy concerning the baptized Kalmyks. It was decided to put them under Taishin's control and to relocate them further into the territory of Russia. With these measures, the hotbed of social tension in the Kalmyk Khanate disappeared, and Russia acquired additional human resources to occupy an empty area in the Middle Volga region, and later in the Orenburg province. For more than a hundred years, the settlement of baptized Kalmyks on the Middle Volga survived the initiator of their founding, Petr Petrovich Taishin, and made a significant contribution to the economic development and defense of the vast Orenburg Territory.

Keywords: Astrakhan province, power, empire, Kalmyks, baptism, Orenburg expedition, ulus, khanate

For citation: Dzhundzhuzov, Stepan V. "The Vicissitudes of the Fate of the Kalmyk Nobleman Petr Taishin: from the Adoption of Christianity to the Establishment of a Settlement of Baptized Kalmyks in the Middle Volga Region (1724–1737)." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 525–543. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-525-543>

Введение

15 марта 1744 г. императрицей Елизаветой Петровной был подписан указ об учреждении Оренбургской губернии. Через месяц – 16 апреля 1744 г. – в ее ведомство были переданы крещеные калмыки, поселенные в окрестностях Ставрополяна-Волге. По аналогии с названием крепости эту группу калмыков стали именовать ставропольскими крещеными калмыками. История образования на Средней Волге калмыцкого поселения и дальнейший перевод ставропольских калмыков в войсковое сословие получило достаточное историографическое освещение¹. Внимания исследователей удостоились должностные лица, причастные к основанию и развитию калмыцкого поселения: начальники Оренбургской экспедиции (комиссии): И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, И.И. Неплюев, первый комендант Ставропольской крепости А.И. Змеев, калмыцкая княгиня Анна Тайшина. Не попал в эту «когорту сопричастных» лишь Петр Петрович Тайшин – первый крещеный калмыцкий владелец и пря-

¹ *Ряжев А.С.* Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы. Ростов-на-Дону, 2011; *Джунджузов С.В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург, 2014; *Зудина В.Н., Перла Н.Ю.* Ставропольские калмыки и буддизм в пространстве юго-восточного фронта Европейской России в XVIII–XIX вв. (к вопросу о сохранении традиционной веры) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8/2. С. 87–100; *Шовунов К.П.* Ставропольское калмыцкое войско // Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии. Сборник научных трудов. Элиста, 1974. С. 230–246.

мой наследник ханского престола, более десяти лет добивавшийся создания обособленного поселения для крещеных калмыков.

Для исследователей истории христианизации калмыков П. Тайшин фигура во многом символическая, положившая начало переходу в христианство представителей калмыцкой знати. В литературе подробно описывается церемония крещения Петра Тайшина, участие в ней императора Петра I и членов его правительства². Несколько искаженно и тенденциозно характеризуется жизнь и деятельность П. Тайшина после принятия христианства. Так, известный православный миссионер и историк Архимандрит Гурий (Степанов), ссылаясь на донесения главы православной миссии в Калмыцком ханстве, Н. Ленкеевича, приводит многочисленные факты враждебного отношения к миссионерам со стороны П. Тайшина³. Чиновник Коллегии иностранных дел В.М. Бакунин, к ведению которого относились сношения с Калмыцким ханством, описывает П. Тайшина как склонного к измене интригана, принявшего христианство лишь для того, чтобы заручиться поддержкой России в борьбе за ханский престол⁴.

Собственно, на документальных свидетельствах Н. Ленкеевича и В.М. Бакунина, в течение длительного времени лично контактировавших с П. Тайшиным, строится и вся последующая историография политической деятельности калмыцкого владельца. При этом в тематике изучаемых проблем П. Тайшин всегда рассматривался как «персонаж второго плана». Данная статья призвана персонифицировать его как исторического деятеля. Для преодоления ангажированности, бытующих в историографии характеристик и расширения источниковой базы привлечены документы из Фонда 119 «Калмыцкие дела» Архива внешней политики Российской империи, содержание которых составляет переписка П. Тайшина с правительственными учреждениями и их должностными лицами. В числе таких документов: рескрипты и грамоты российских монархов, адресованные калмыцким правителям и представителям знати, указы Сената и Коллегии иностранных дел по калмыцким делам, прошения и письма П. Тайшина, адресованные к разным должностным лицам, инструкции и отчеты представителей российской администрации, причастных к регулированию отношений с Калмыцким ханством, и другая делопроизводственная документация. В целом, сосредоточенный в фонде «Калмыцких дел» обширный документальный материал и его удовлетворительная сохранность, представляют собой хорошую основу для изучения широкого спектра проблем, относящихся к истории калмыцкого народа и российско-калмыцких отношений.

Крещение калмыцкого владельца Баксадая Дорджи: религиозный и политический аспекты

Политическая активность Баксадая Дорджи, как и восприятие чуждого ему христианского православного вероисповедания, была связана с спровоцированным ханом Аюкой династическим кризисом и начавшейся после его смерти династической войной. С 1713 г. и вплоть до своей смерти 19 февраля 1722 г. наследником ханского престола официально состоял старший сын хана Аюки, отец Баксадая Дорджи, Чакдорджаб. После кончины отца обоснованные претензии на престолонаследие стал предъявлять Дасанг, старший брат Баксадая Дорджи. Однако хан Аюка ре-

² Орлова К.В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М., 2006. С. 147–148.

³ Гурий. Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2–3. С. 271–327.

⁴ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995.

шил передать ханскую власть младшему сыну Церен-Дондуку, в чем поручителем просил стать самого императора Петра I. Чтобы обезопасить Церен-Дондука от претензий на власть со стороны старших племянников, хан Аюка потребовал пересмотреть завещание Чакдорджаба и отобрать у его наследников значительную часть Зюновского улуса, которым, согласно сложившейся традиции, управлял старший сын калмыцкого хана⁵.

Еще при жизни Чакдорджаб разделил между семью старшими сыновьями 3 тыс. кибиток из своего улуса. Из них Дасангу досталась 1 тыс. кибиток, а Баксадай Дорджи – 500. Пятерых младших сыновей Чакдорджаб просил наделить «по надлежащей части» уже после своей смерти из 4 тыс. оставшихся при нем кибиток. Чакдорджаб наказывал сыновьям быть в союзе, кочевать вместе и слушаться старшего брата Дасанга. Накануне встречи с Петром I, состоявшейся летом 1722 г., хан Аюка утвердил составленное Чакдорджабом завещание и присягу, данную его сыновьями. Естественно, Дасанг не смирился с отказом в наследовании ханского престола и лишением его семьи большей части отцовского улуса. Аюке удалось поссорить Дасанга со средними и младшими братьями, потребовавшими наделить их кибитками из отцовского улуса⁶.

Конфликт хана со старшими внуками перерос в военное столкновение. Против Дасанга, в распоряжении которого было не более 7 тыс. воинов, хан направил 20-тысячное войско под командованием Дондук-Омбо – внука от другого своего сына Гунжепа. Дондук-Омбо разделил ханское войско на два отряда, первый из которых 24 ноября 1723 г. у р. Берекети вступил в бой с войском Дасанга. По сведениям В.М. Бакунина, потери с обеих сторон составили до 100 убитых и еще больше раненных. От полного поражения Дасанга спасла вовремя подоспевшая команда астраханского губернатора А. Вольнского, составленная из гарнизонных солдат, донских казаков и юртовых татар. Вступать с нею в бой Дондук-Омбо не решился. Второй ханский отряд напал на оставшиеся незащищенными улусы Дасанга и увел до 6 тыс. кибиток. С оставшимися 2 тыс. кибитками Дасанг с братьями Баксадай Дорджи и Нитар Дорджи отошли к Астрахани. Именно здесь, в Астрахани, без ведома Дасанга, с Баксадай Дорджи и Нитаром были проведены увещательные беседы, склонявшие их к восприятию христианства. Уговорить удалось Баксадай Дорджи⁷.

Ко времени описываемых событий определенный опыт распространения христианства среди калмыков уже имелся. На межгосударственном уровне право калмыков на переход в православие было зафиксировано в шерти (договорной грамоте. – *С.Д.*), подписанной Аюкой и астраханским воеводой А.Е. Одоевским. 27 февраля 1673 г. В этой и последующих шертях на калмыцких владельцев возлагалось обязательство не требовать возвращения в улусы калмыков, ставших православными христианами⁸. Принимавшие крещение калмыки селились за пределами Калмыцкого ханства. В 1686 г. 51 семейство крещеных калмыков было поселено в Курске. Совместно с донскими, яицкими и орешковскими казаками они были приписаны к Белгородскому полку⁹. В 1700 г. поселение крещеных калмыков было устроено выше Саратова на реке Терешке. Но просуществовало оно недолго. По приказу хана Аюки терешкинское поселение было разрушено и сожжено зайсангом Эркетеневского улуса

⁵ Цюрюмов А.В. Начальный этап династийной войны в Калмыцком ханстве в 20–30-е гг. XVIII века // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 40. С. 55.

⁶ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 33–35.

⁷ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 38–40; Цюрюмов А.В. Начальный этап династийной войны... С. 55.

⁸ Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 41–42.

⁹ Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Часть I. Яицкое войско, от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уральск, 1911. С. 894.

Яманом, на том основании, что прежде эти калмыки находились под его властью и проживали в принадлежащем ему улусе¹⁰.

Петр Великий решил дать процессу христианизации калмыков новый импульс и направление. 20 января 1724 г. император подписал указ, требовавший «склонять владельцев и законников их [калмыков] в христианство»¹¹. Таким образом, перед светскими и церковными властями была поставлена задача содействовать формированию колонии крещеных калмыков непосредственно в Калмыцком ханстве. Их предводителем должен был стать один из представителей ханской фамилии.

Задачу поиска ханского родственника, соответствовавшего требованиям указа, облегчил сам Баксадай Дорджи, обратившийся к астраханскому губернатору с жалобой на братьев, отобравших у него улусы¹². 29 февраля 1724 г. Баксадай Дорджи был отправлен в Москву. Значимость миссии калмыцкого владельца подчеркивалась численностью сопровождавшей его делегации в составе десяти зайсангов, буддийского священнослужителя, лекаря и 22 служителей. Для охраны им были выделены 2 офицера и 50 солдат астраханского гарнизона. До Сызрани калмыцкая делегация добиралась водным путем вверх по Волге и далее, через Симбирск, проследовала в Москву¹³.

Накануне выезда из Астрахани Баксадай Дорджи узнал о смерти Аюки-хана, случившейся 19 февраля 1724 г. Это обстоятельство побудило его дополнить выдвигаемые прежде претензии. В прошении на высочайшее имя Баксадай Дорджи вновь приносил жалобу на Дондук-Омбо, отлучившего от него младших братьев и с их помощью разорившего их общие улусы. Калмыцкий владелец просил содействия в объединении улусов его и его братьев: Бату, Дондук-Даши и Данжина Дорджи, как это было прежде, в одном кочевье, и оградить их от стороннего вмешательства. Осознав, что вопрос о наследовании ханского престола отныне будет решаться при царском дворе, Баксадай Дорджи осмелился оспорить последнюю волю Аюки-хана о передаче ханской власти Церен-Дондуку. Свои претензии оппозиционный владелец обосновал следующими аргументами: «Дед наш Аюка хан, также и отец наш Чакдорджаб умерли, а по нашим калмыцким правам надлежало наследство большему сыну. А Аюки хана больший сын Чакдорджаба, а у Чакдорджаба большой сын Дасанг. А наследство кому будет пожаловано в том воля Вашего Императорского Величества»¹⁴.

Вся дальнейшая деятельность Баксадая Дорджи была подчинена борьбе за верховную власть в Калмыцком ханстве, сначала в пользу старшего брата Дасанга, а после его смерти – для себя. Этой же цели было подчинено его решение о переходе в христианство. Ведь в таком случае, как он надеялся, его ближайшим союзником должен стать сам «белый царь» – русский император. Царский указ: «привести в христианскую православную греческую веру» ханского внука Баксадая Дорджи по его желанию, последовал 26 мая, после приезда калмыцкой делегации в Москву. Обряд крещения должен был состояться в Санкт-Петербурге. Ознакомить калмыцкого владельца с основами христианского вероучения «по надлежательству ко крещению» и обучить «некоторым, сколько возможно будет, молитвам» должен был специально назначенный «искусный» наставник из духовных особ. Для исполнения этой обязанности был определен священник Благовещенского собора Михаил Слонский.

¹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 590. Оп. 1. Д. 152. Л. 15 об.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. VII. СПб., 1830. С. 207.

¹² ОР РНБ. Ф. 590. Оп. 1. Д. 152. Л. 20 об.

¹³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–1 об.

¹⁴ Там же. Л. 17 об.

Баксадай Дорджи он сопровождал в поездке в северную столицу и оставался при нем до проведения обряда крещения.

Сам Баксадай Дорджи, осознавая и подчеркивая свою значимость, требовал от русских властей особого внимания к своей персоне. В предстоящей поездке его должны были сопровождать 9 дворян (зайсангов) и 10 служителей. В качестве караула, вместо приставленных к нему в Москве 2 солдат, он потребовал команду из 42 человек. Отдельно оговаривались материальные издержки. Прежде всего, казна должна была возместить задолженность в 300 рублей, скопившуюся за 34 дня пребывания в Москве калмыцкой делегации. Кроме необходимых в дороге надобностей, для комфортного времяпрепровождения Баксадай Дорджи просил снабдить его четырьмя палатками, коляской, чаем, табаком, рейнским питьем (разновидность сладкого вина. – *С.Д.*), водкой, простым вином (хлебное вино. – *С.Д.*), пивом и медом¹⁵. Поездка из Москвы до Санкт-Петербурга заняла 19 дней – с 4 по 23 июля.

Ожидание обряда крещения Баксадай Дорджи и его спутников длилось четыре месяца. Возможно, это было связано с неопределенностью с наследованием ханского престола. В 1723 г. хан Аюка внес в свое завещание существенные коррективы. Соправителем Церен-Дондука должен был стать Дондук-Омбо. Их обоих «следовало считать равными сыновьями»¹⁶. Опекун над ними возлагалась на Дарму-Балу, последнюю жену хана Аюки¹⁷. Так Дондук-Омбо стал еще одним законным претендентом на ханский престол. Вопреки обещанию, данному Аюке-хану, Петр I решил передать управление Ханством Доржи Назарову, приходившемуся двоюродным племянником Аюке-хану. Унаследованный им улус, насчитывавший до 10 тыс. кибиток, с середины XVII в. имел обособленное кочевье в междуречье Волги, Урала и Дона. А.В. Цюрюмов, ссылаясь на мнение архимандрита Гурия (Степанова), рассматривает это решение царской администрации как попытку, направленную на ограничение «независимой политической линии, столь характерной для хана Аюки»¹⁸. Ведение переговоров с Доржи Назаровым было поручено астраханскому губернатору А.П. Волынскому. В соответствии с инструкцией, составленной в Коллегии иностранных дел, Волынский должен был добиться от него согласия на передачу в аманаты (заложники. – *С.Д.*) сына. Переписка астраханского губернатора с Доржи Назаровым продолжалась более трех месяцев – с конца мая до начала сентября. Наконец, 1 сентября, во время личной встречи Доржи Назаров недвусмысленно дал понять А.П. Волынскому, что не намерен претендовать на ханский престол. Отказ мотивировался нежеланием расставаться с сыновьями и недостатком сил для подчинения прямых наследников Аюки – его сына Церен-Дондука и внуков. После этой неудачи усилия Волынского были вновь обращены к поддержке кандидатуры Церен-Дондука. Всего за две недели, с помощью уговоров и угроз, ему удалось склонить к согласию все заинтересованные стороны, и уже 20 сентября, в присутствии калмыцкого первосвященника Шакур-ламы и других владельцев, после принесенной присяги, объявить Церен-Дондука наместником Калмыцкого ханства¹⁹.

Стараниями того же А.П. Волынского было обеспечено примирение полнокровных братьев Баксадай Дорджи с мачехой, братьями и самим наместником Калмыцкого ханства, благодаря чему им удалось вернуть утраченные улусы и восстановить свое политическое влияние. Астраханский губернатор надеялся, что в качестве ответного шага Дасанг и Нитар Дорджи, следуя примеру среднего брата, согла-

¹⁵ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 32.

¹⁶ Там же. Д. 2. Л. 28.

¹⁷ Цюрюмов А.В. Начальный этап династийной войны в Калмыцком ханстве в 20–30-е гг. XVIII века // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 40. С. 56.

¹⁸ Там же. С. 57.

¹⁹ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 41–45.

сятся на смену вероисповедания. Согласно Указу от 22 мая 1724 г. без предварительных условий улусы возвращались одному Баксадаю Дорджи. Дасанг и Нитар Доржи могли их получить только после крещения, а до того времени их улусы должны были оставаться «под рукою» губернатора. Однако калмыки, принадлежавшие старшим внукам хана Аюки, оказались в улусах у разных владельцев. Дасанг и Нитар Доржи сами ездили по родственникам, опознавали и собирали своих подвластных людей. На сетования Волынского об уклонении от подчинения воли монарха Дасанг ответил, «что он рад бы то учинить, но как он человек совершенных уже лет, то, как ему оставить закон, в котором родился и обвык, а принять новый, о котором мало и слышал. Сверх того, в таком случае, улусные его люди, боясь, чтоб и они поневоле окрещены не были, могли бы от него разбежаться, а один он без улусов никакой Его Императорскому Величеству прибыли сделать не может»²⁰. Тем не менее, он обещал не препятствовать крещению братьев и всегда оставаться в верности Его Императорского Величества. Вслед за старшим братом отказался от восприятия христианства и Нитар Доржи²¹.

Таким образом, ко времени проведения обряда крещения Баксадая Дорджи вопрос о правителе Ханства был уже решен. Кроме того, смена вероисповедания враждебно воспринималась буддийским духовенством и правящей элитой, рассматривавших христианизацию как угрозу государственному и конфессиональному суверенитету и единству Калмыцкого народа. Калмыцкий владелец оказался заложником ситуации. Находясь в Петербурге, он уже не мог избежать обряда крещения. Теперь его деятельность была направлена на получение от российского правительства гарантий по обеспечению безопасности и поддержку его политического авторитета, опиравшегося на покровительство самого «Белого царя».

Надежду на такое покровительство внушала торжественность церемонии обряда крещения, состоявшегося 15 ноября 1724 г. в соборной Троицкой церкви. Значение высокой государственной важности мероприятию придавало присутствие членов Святейшего Синода, сенаторов, генералов и других «знатных особ». Обряд проводил тверской архиерей Феофилакт, а восприемником вызвался быть сам император Петр I. По крещению Баксадай Дорджи был наречен Петром Петровичем Тайшиным. Как проявление особой милости в хронике события было отмечено присутствие царя на литургии, во время которой государь взял крестника за руку «и повел сам к тайнам христовым». По окончании службы П.П. Тайшин был принят в царском дворце: «был при столе Его Величества», где также присутствовали «духовные особы и министры»²². Не поспешил Петр I и на подарки. Петр Тайшин, который отныне подписывал свои письма – князь Петр Дайчин (Тайшин), был одарен: собольей шубой, покрытой золотой парчой, шапкой собольей, крытой бархатом, платьем и сапогами²³.

22 ноября в той же Троицкой церкви были крещены семь зайсангов из свиты П. Тайшина. Следуя примеру царя, их восприемниками выступили вельможи из ближайшего окружения монарха: канцлер граф Г.И. Головин, сенатор, граф П.А. Толстой, Д.И. Меньшиков, адмирал Ф.М. Апраксин, генерал, князь Н.И. Репнин, граф П.М. Апраксин, сенатор, князь Д.И. Голицын. Все новокрещенные были наречены именами святых апостолов: Павлом, Матвеем, Лукой, Марком, Иоанном, Андреем, Иаковом. Еще восемь калмыков, состоявших при них в услужении, прошли обряд крещения 25 ноября²⁴.

²⁰ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 47.

²¹ Там же.

²² АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 68–68 об.

²³ Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 148.

²⁴ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 68 об. – 70 об.

С крещением П. Тайшина была заложена традиция наделения знатных калмыков пожизненным денежным пожалованием. Петру Тайшину за восприятие крещения велено было ежегодно выплачивать 1000 рублей и выдавать по 500 четвертей хлеба. Крестившимся вслед за ним зайсангам жалование определялось в 20 рублей. На будущее также оговаривалось о наделении сторублевым пособием сыновей П. Тайшина после их крещения²⁵.

Через месяц после крещения П. Тайшина, 15 декабря 1724 г., Петр I издал указ, который, судя по содержанию резолюций, давал ответы на разные ходатайства калмыцкого владельца, написанные в период его пребывания в столице. Так, в первом пункте указа говорится, что П. Тайшин просил императора помочь ему занять ханский престол. Решение о признании наместником Калмыцкого ханства Церен-Дондука было принято русским правительством еще в сентябре, и не зная о нем, а тем более противиться ему, находясь при царском дворе, П. Тайшин просто не мог. Тем не менее, видимо, чтобы убедить своего крестника крепче держаться российской ориентации, Петр I внушает ему надежду: «в том милость Его Императорского Величества к нему будет впредь в удобное к тому время»²⁶.

Две следующие просьбы П. Тайшина более соответствовали сложившейся ситуации. В них он ходатайствовал о создании условий для его безопасности и передаче под его управление всех крещеных калмыков. В первом случае крещеный калмыцкий владелец, можно сказать, представил готовый проект своей будущей резиденции. Он просил построить земляную крепость ниже Красного Яра на реке Бузане на 600 дворов. Для охраны разместить в ней до 1500 драгун и казаков. Для себя и своих придворных людей построить в крепости дома и церковь. В мирное время в окрестностях новой крепости он планировал пребывать на кочевье и укрываться за ее стенами в периоды «неприятельства и злодейств». Проект П. Тайшина был признан нерентабельным, на том основании, что на строительство и содержание крепости требовалось отрядить много русских людей. Резолюция ограничилась предписанием направить в распоряжение П. Тайшина вахмистра с командой из 24 драгун. «А если на него Тайшина от братьев или других владельцев будет учинено нападение, велено астраханскому губернатору от того охранять». Последнюю просьбу, о передаче в его распоряжение всех крещеных калмыков, П. Тайшин обосновывал необходимостью их защиты от некрещеных владельцев. Ответная резолюция ограничилась лишь ссылкой на шерт, в соответствии с которой тайши теряли право просить о возвращении в их улусы калмыков, ставших православными христианами²⁷.

К удовольствию императора, Петр Тайшин проявил заинтересованность к познанию устройства и законодательства Российского государства. Действуя при посредничестве Синода, 24 декабря он ходатайствовал о предоставлении печатных книг, содержащих Соборное уложение, Морской и Воинский уставы, а также «и прочие Его Императорского Величества указы». В тот же день царь указал Коллегии иностранных дел рассмотреть прошение и «учинить» резолюцию²⁸.

Крещеный калмыцкий владелец был отпущен из Петербурга 15 февраля 1725 г. – через 18 дней после смерти Петра I. Накануне отъезда указом Коллегии иностранных дел Екатерина I подтвердила все данные П. Тайшину и его зайсангам обещания, касавшиеся выплаты ежегодного жалования и охраны. В качестве дополнения указ содержал распоряжение о направлении к П. Тайшину пристава, который должен неотлучно состоять при его особе. Позднее на эту должность астраханским гу-

²⁵ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 73.

²⁶ Там же. Л. 76.

²⁷ Там же. Л. 76–78 об.

²⁸ Там же. Л. 79.

бернатором был определен поручик Шахматов. Составленная для него инструкция предписывала установление за деятельностью крещеного калмыцкого владельца едва ли не тотального контроля. Шахматов был обязан:

1) Тайно выведывать: не поступает ли к П. Тайшину какая-либо корреспонденция от турок, крымцев, кубанцев или от других соседних народов. Обо всем, что сумеет выведать негласным путем, Шахматов обязан был доносить состоявшему при калмыцких делах майору В.П. Беклемишеву.

2) Строго смотреть за исполнением П. Тайшиным православных обрядов. Обо всех его проступках доносить иеромонаху Никодиму Ленкеевичу и майору В.П. Беклемишеву.

3) Выступать советником П. Тайшина «во всяких делах». Не допускать вражды между калмыками и народами, состоявшими в подданстве Османской империи, дабы «не подали чем к нарушению мира с Атаманской Портой причин. <...> А ежели какие обиды им, калмыкам, от турецких подданных произошли, и о тех писал бы он, Петр, в Коллегию иностранных дел». Те же требования предъявлялись к регулированию отношений калмыков с донскими казаками.

4) В случае причинения калмыками «обид русским людям» поручик Шахматов должен был требовать от П. Тайшина проведения поиска виновных, назначения им наказания и возвращения имущества потерпевшим²⁹.

Одновременно с П. Тайшиным в Калмыцкое ханство была отправлена православная миссия во главе с иеромонахом Никодимом Ленкеевичем. К миссии были приписаны пять «школьников» – учащихся Славяно-греко-латинской академии. Базироваться миссия должна была при улусе П. Тайшина. Для проведения богослужений была построена походная церковь, которая после освящения 24 февраля 1725 г. была отослана в кочевье³⁰.

Борьба за ханский престол: надежды и разочарования

Возвращаясь в родное кочевье, П. Тайшин не собирался отказываться от претензий на ханский престол. Из общения с императором он вынес убеждение, что русское правительство будет ему в этом всячески содействовать. Свое настроение крещеный владелец не только не скрывал, но и всячески демонстрировал. Во время первой же встречи с родными братьями, состоявшейся в начале апреля 1725 г. в улусе Дасанга, он заявил как о вопросе решенном, что для него будет построена вблизи Астрахани крепость и все крещеные калмыки перейдут на кочевье в ее окрестности. Как угрозу принудительного крещения их и подвластных им людей восприняли заявление П. Тайшина Дасанг и Нитар Доржи. Призыв губернатора А.П. Волынского к переходу внутрь Царицынской укрепленной линии, под защиту русских войск, был ими сочтен за заманивание. Поддержав призыв влиятельного зайсанга Биллютки, что «лучше им умереть в своей вере», братья постановили отступить от Астрахани и кочевать между Кубанью и Волгой. Нитар Доржи стал распространять по улусам слухи: «что россияне, замая их на линию, всех крестят или разорят»³¹.

Еще более надменно повел себя П. Тайшин в общении с послами Черен-Дондука, Дармы-Балы и Шакур-ламы, приезжавших к Дасангу с предложением о перемирии. Он посоветовал их владельцам поторопиться с заключением мира. В противном случае грозился повести против них русские и калмыцкие войска. Для пущей убедительности Петр ссылался на несуществующий царский указ, якобы данный ему

²⁹ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2.

³⁰ Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 48.

³¹ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 51.

при крещении, чтоб «изо всех волжских городов и с Дону войсками, сколько, когда он потребует, чинить ему, Тайшину, вспоможение»³².

Как итог, П. Тайшин настроил против себя не только группировку Церен-Дондука и Дармы-Балы, но и вступил в конфликт с родными братьями Дасангом и Нитар Доржи. Причем, по свидетельству В.М. Бакунина, Тайшин сам дал повод к обострению ситуации, позволив своим людям совершить нападение на улус Дасанга и разорить несколько кибиток. В ответ Нитар Доржи тяжело ранил зайсанга Павла Тунгулака – крестника канцлера Г.И. Головкина. Более того, братья приняли решение убить и самого Петра. Ночью Нитар Доржи со своими людьми ворвались в кибитку Тайшина. Однако крещеный калмыцкий владелец, извещенный о готовящемся нападении одним из родственников, успел сбежать и укрылся в Царицыне под защитой астраханского губернатора. Нитар Доржи пленил жену Тайшина, весь его улус и членов православной миссии³³.

Для А.П. Вольнского П. Тайшин являлся скорее помехой, чем союзником в выстраивании отношений с Калмыцким ханством. У него были веские основания для сомнений в преданности калмыцкого владельца и приверженности христианству. Незадолго до описанных выше событий, 13 мая, астраханский губернатор информировал Коллегию иностранных дел, что жена крещеного калмыка Луки Александрова распространяет слух, что якобы Петр Тайшин с ее мужем крестились только для того, чтобы без вреда уехать из России. Дасанг обещал наделить Петра улусом при условии, если он вновь уверует в Далай-ламу и вместо креста наденет бурхана. «И то де, он, Петр, и учинил»³⁴.

Донесение астраханского губернатора во внешнеполитическом ведомстве было встречено с явной тревогой. На крещение П. Тайшина и его людей были потрачены значительные средства, но главное, их вероотступничество затрагивало авторитет государства и церкви, бросало тень на их высокопоставленных восприемников. Прежде до Петербурга уже доходили известия, что после возвращения в Калмыцкое ханство некоторые зайсанги из свиты Тайшина были захвачены некрещеными владельцами и принуждались к отступничеству от православной христианской веры³⁵. Вольнскому было предписано проверить подлинность этих сведений и в случае их подтверждения, до получения указа, удерживать причитавшееся крещеным зайсангам жалование. Со слов одного из школьников, сумевшего незамеченным добраться до Астрахани, выяснилось, что после бегства П. Тайшина члены православной миссии и походная церковь продолжали находиться в улусе П. Тайшина. Крещеные калмыки церковные службы не посещают. Иеромонах Никодим содержится в полной изоляции и не имеет возможности связаться с губернатором. На запрос Коллегии А. П. Вольнский ответил уклончиво: веру христианскую крещеные калмыки содержат. Однако в том, чтобы они крепкими христианами были, он сомневается³⁶.

Более важной задачей, нежели поддержка православных миссионеров, для Вольнского в этот период являлось примирение с калмыцкой знатью и ее подчинение наместнику Ханства Черен-Дондуку. Для увещевания Дасанга и Нитар Доржи в улусы был направлен переводчик Василий Бакунин. Он клятвенно убеждал братьев, что никого насильно крестить не будут ибо «невольное крещение христианскому закону противно». Однако Нитар Доржи, посчитав себя обманутым, возобновил военные действия: задержал и избил переводчика Бакунина, убил заступившегося

³² Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 51.

³³ Там же. С. 52.

³⁴ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 52.

³⁵ Там же. Л. 78 об.

³⁶ Там же. Д. 19. Л. 53.

за него зайсанга Джалчина, пытался даже захватить в плен самого губернатора Во-лынского. Кроме того, в вину мятежному владельцу ставились нападения, грабежи и убийства жителей донских поселений. Исчерпав дипломатические ресурсы, А.П. Волинский решил перейти от увещевания к использованию силы. К Царицынской линии им были стянуты драгунские и казачьи полки, к которым присоединились калмыцкие владельцы, поддерживавшие наместника ханства. В свою очередь, Дасанг, осознав, что ответственность за совершенные Нитар Доржи преступления равным образом распространится и на него, решился на братоубийство. Затем он сам приехал с повинной к астраханскому губернатору и дал согласие возвратить младшим братьям полагавшиеся им по отцовскому завещанию улусы³⁷.

От Петра Тайшина российское правительство требовало отказаться от претензий на ханский престол. В письме от 25 августа 1725 г. канцлер Г.И. Головкин разъяснял незадачливому претенденту, что «мимо ханского сына, внука производить в ханы не надлежит». Черен-Дондук назначен наместником ханства еще при Петре I, что своим указом подтвердила и Екатерина I. Письмо Г.И. Головкина завершалось требованием: «А надлежит тебе, по высокому соизволению ее Императорского Величества, его, дядю своего Черен Дондука, иметь за хана и главного управителя не отменно»³⁸.

Для Петра Тайшина примирение с Дасангом означало признание верховенства старшего брата, потакание его амбициям и безусловное подчинение его приказам. В то же время, по крайней мере, в официальной переписке, Петру приходилось демонстрировать верность Российскому государству, которое, по существу, обмануло его надежды. О том, что П. Тайшин трезво оценивал свое положение, свидетельствуют строки из его письма к Екатерине I от 12 августа 1726 г.: «Я нижеименованный и недостойный раб Вашего Величества доношу <...> как калмыцкие владельцы, так и прочие за восприятие благочестивой православной веры христианской меня ненавидят и злодейства чинят». В этом и во всех последующих письмах П. Тайшин вновь возвращался к необходимости строительства для него вблизи Астрахани крепости. Крещеный владелец ссылался на авторитет Петра I, который поручил ему приводить калмыков в православную христианскую веру. Но выполнить монаршую волю и отобрать у владельцев всех калмыков, желающих принять крещение, без высочайшего указа он не в праве³⁹. Коллегия иностранных дел предпочитала на прошения Тайшина давать уклончивые ответы, такие как: «Еще заподлинно неизвестно, где вы будете со своими улусными людьми кочевать за Доном или где в других удобных местах». Или: «Ныне вскоре решения учинить невозможно, затем, что вы сначала кочевали за Доном, а потом ныне получили мы известие, что вы к Волге кочевать пошли. Потребно иметь от вас известие, где вы подлинно кочевать будете. И потому тогда надлежащее определение вам о том учинить»⁴⁰.

Наконец, как лишение покровительства и защиты должен был воспринять П. Тайшин распоряжение генерал-фельдмаршала М.И. Голицына об отзыве находившихся при нем для охраны 24 драгун. 2 июня 1727 г. М.И. Голицын информировал Коллегию иностранных дел, что драгун из улуса Тайшина он отозвал на том основании, что Петр с братьями примирился и нахождение при нем русских солдат может возбудить ненужное подозрение⁴¹.

Примирение, а с ним и фактическое подчинение П. Тайшина старшему брату-буддисту пагубно отразилось на деятельности, да и самом существовании членов

³⁷ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 52–55.

³⁸ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 19. Л. 58 об. – 59.

³⁹ Там же. Д. 17. Л. 2–4.

⁴⁰ Там же. Л. 20, 22.

⁴¹ Там же. Д. 19. Л. 53 об. – 54.

православной миссии. Отношения между ее руководителем Иеромонахом Никодимом Ленкеевичем и П. Тайшиным переросли в открытую вражду. Отец Никодим приложил немало усилий, чтобы представить крещеного калмыцкого владельца веротступником, недостойным доверия русского правительства. По подсчетам К.В. Орловой, с 3 мая 1729 г. Н. Ленкеевич направил в Синод 9 донесений, в которых обстоятельно описывались многочисленные проступки П. Тайшина. Крещеному владельцу ставилось в вину нежелание исполнять церковные обряды и воспитывать своих детей в православной вере, недопущение к крещению подвластных ему калмыков и их детей, общение с гелюнгами и оказание материальной поддержки буддийскому духовенству⁴².

5 января 1730 г. Дасанг с отрядом из 103 человек совершил нападение на православную миссию. Его цель, как выразился Н. Ленкеевич в донесении Синоду от 12 марта, «новокрещеных побрать и разбить, без остатку, чтобы впредь не поводно было креститься их народу»⁴³. В результате разбойных действий 1 человек был убит, 2 ранены, 41 уведены в плен. Остальные проживавшие при миссии крещеные калмыки разбежались, оставив имущество⁴⁴. Иеромонах просил содействия правительства в освобождении крещеных калмыков и возвращении отнятого у них имущества. Донесение заканчивалось припиской: «А ежели оных новокрещеных калмыков не возвратят по-прежнему, – то не тоию креститься не будут, но и последние могут разбежаться»⁴⁵.

Еще до учиненного Дасангом погрома иеромонах Никодим высказал мнение о необходимости удаления крещеных калмыков из пределов Калмыцкого ханства ради их безопасности. Он не обвинял П. Тайшина в случившемся разорении миссии, однако воспользовался им как поводом для дискредитации крещеного владельца. Н. Ленкеевич выступал против передачи крещеных калмыков под управление П. Тайшина. В донесении от 14 августа 1730 г. он обращал внимание Синода на то обстоятельство, что в подданстве Тайшина крещеных калмыков не осталось, и он не прилагает никаких усилий к распространению христианства. В случае передачи крещеных калмыков в его ведомство произойдет их смешение с некрещеными родственниками и соседями, и тогда «не только научить, но и собрать оных будет невозможно». Примером тому служили калмыки, крестившиеся с Петром Тайшиным в Санкт-Петербурге, и те, что были крещены самим иеромонахом на Дону. Все они, как выразился руководитель православной миссии, «ныне расхищены»⁴⁶.

Предвзятость позиции, занятой отцом Никодимом, его стремление переложить на П. Тайшина ответственность за неудачи миссионерской деятельности становятся очевидными при знакомстве с фактами, представленными в письмах крещеного владельца. Он никогда, по крайней мере официально, не отрекался от христианства и содействовал крещению своей жены и детей. 20 сентября 1726 г. тот же иеромонах Никодим уведомлял архимандрита Гавриила, что «Божьей помощью, а моим недостойным советом, новокрещенного Петра Тайшина жена Церен-Янжи в праздник Рождества Пресвятыя богородицы, склонение свое ко крещению учинила было, за которую сам Петр Петрович ко мне с толмачом приходил, чтобы я с ним к господину губернатору Волынскому пошел и просил бы его в восприемники. Но гос-

⁴² Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 52.

⁴³ Гурий. Первая православная миссия среди калмыков и ее практическая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2. С. 322.

⁴⁴ Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 180.

⁴⁵ Гурий. Первая православная миссия среди калмыков и ее практическая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2. С. 322.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–13 об.

подин Волынский в том рекузовал с таким словом, что надо де о том в Санкт-Петербург написать». Позднее уже сама Церен-Янжи прошением на Высочайшее имя подтвердила свое желание воспринять православную христианскую веру. Екатерина I не только дала согласие, но и приписала дозволение «принять крещение, где пожелает, либо в Петербурге»⁴⁷. С этого времени П. Тайшин допускал проведение обряда крещения жены не иначе как в столице, в присутствии придворных особ. В 1728 г. он уведомил Коллегию иностранных дел о желании прибыть к императорскому двору для крещения жены, о чем просил повелительного указа. Канцлер Г.И. Головкин, сославшись на карантин, введенный в Царицыне в связи с эпидемией моровой язвы, счел просьбу несвоевременной⁴⁸. Однако в том же 1728 г. был крещен нареченный Алексеем годовалый сын Петра Тайшина⁴⁹.

Наивысшего предела разногласия между Никодимом Ленкеевичем и Петром Тайшиным достигли к январю 1731 г., когда первый отправился с докладом в Москву, а второй встретился в Астрахани с бароном П.П. Шафировым, направлявшимся в Персию с дипломатической миссией. П. Тайшину удалось убедить придворного сановника, что иеромонах, вместо того чтобы находиться при нем и служить наставником в христианском вероучении, большую часть времени проживал в Астрахани и походную церковь в его улус не привозил. Состоявшие при миссии школьники также, подобно своему начальнику, уклонялись от возложенных на них обязанностей по обучению молитвам калмыцких детей и изучению калмыцкого языка. П. Тайшин уверял П.П. Шафирова, что крепко придерживается «благочестивой веры». Один сын его 5 лет уже как крещен, и второго, недавно родившегося, крестить намерен⁵⁰.

Еще до встречи с Шафировым П. Тайшин направил в Коллегию иностранных дел донесение, в котором жаловался на притеснения русскими людьми живущих при Астрахани калмыков: «онных его людей бьют до смерти и <...> воровски берут. А астраханский губернатор суда не делает»⁵¹.

В первой половине того же 1731 г. после смерти старшего брата Дасанга П. Тайшин унаследовал его улус и вновь напомнил о своих претензиях на ханский престол. По стечению обстоятельств смерть Дасанга наложилась на указ Анны Иоанновны от 17 февраля 1731 г. о пожаловании наместника ханства Церен-Дондука ханским титулом и приведением его 1 мая к присяге астраханским губернатором И.П. Измайловым. Санкционированное царским правительством возвышение Церен-Дондука способствовало консолидации и расширению оппозиции калмыцкой знати, возглавляемой Дондук-Омбо. Позднее Петр Тайшин признался, что между ним и Дондук-Омбо была заключена договоренность о разделе Калмыцкого ханства⁵². Законные, по его мнению, претензии на ханский престол православный владелец подкреплял находившимися под его властью 10-ю тыс. кибиток. К «союзу кузенов» примкнула достаточно внушительная группировка из авторитетных найонов: родной брат Дондук-Даши – Бокшурга, родной брат П. Тайшина – Бату, их племянник, сын Дасанга – Чидан, хошоутский владелец – Дондук. Доржи Назаров с сыном Лубжой также сочувствовали оппозиционерам, но предпочли занять выжидательную позицию. Верность Церен-Дондуку сохраняли Галдан-Данжин и Шакур-лама. Ханское

⁴⁷ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 26 об. – 27.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 54–54 об.

⁴⁹ Там же. Д. 19. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Л. 16–17.

⁵¹ Там же. Л. 55 об.

⁵² Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 500.

войско не превышало 2 тыс. человек. Дондук-Омбо и его сторонники выставили в 5 раз больше – порядка 10 тыс. человек.

Несмотря на явное превосходство противника, Церен-Дондук решил первым напасть на него. Сражение произошло в ноябре, в районе озера Сасыколи. В начале боя П. Тайшин, командовавший левым флангом, был смят отрядом Галдан-Данжина и принужден к бегству. Ситуацию спас Дондук-Омбо, большими силами атаковавший ханское войско и одержавший над ним полную победу. С маленьким отрядом в 25 человек Церен-Дондуку удалось оторваться от преследователей и укрыться в Астрахани. Мятежники разделили между собой 15 тыс. кибиток из улусов Церен-Дондука, его матери и Шакур-ламы, 2,5 тыс. кибиток были преданы в совместное владение П. Тайшину, Бату и их племяннику Чидану⁵³.

Ответственность за случившееся сражение обе стороны, естественно, старались переложить друг на друга. П. Тайшин утверждал, что в бой они с Дондук-Омбо вступили и ханское войско разбили лишь после того, как узнали, что Церен-Дондук, Шакур-лама и Галдан-Данжин «идут на них войной». Однако для царского правительства вина П. Тайшина и Дондук-Омбо сомнений не вызывала. Они, будучи русскими подданными, не подчинились высочайшим указам и неоднократным увещеваниям с требованием признать ханом и правителем Церен-Дондука. Для России сокрушительное поражение Церен-Дондука стало поводом к военному вмешательству. С чрезвычайными полномочиями в калмыцкую степь был направлен генерал-лейтенант, князь И. Ф. Бярятинский.

На первом этапе своей миссии, продолжавшейся с декабря 1731 по март 1732 г., И.Ф. Бярятинский вступил в интенсивную переписку с мятежниками, настаивал на личной встрече и возвращении людей, угнанных из ханских улусов. Дондук-Омбо от встречи уклонился. Со своим улусом он сначала отошел к Дону, а затем на Кубань, отдавшись покровительству крымского хана и турецкого султана. Не шел на прямой контакт с воеводой и П. Тайшин. В ответном письме от 14 января он напомнил князю, что не он с Дондук-Омбо стали зачинщиками войны. «Ему и в команде у Черен Дондука быть сумнительно, понеже он, Петр Тайшин, находится в христианском законе». Отговорку, будто бы христианину не подобает состоять под властью идолопоклонника, Бярятинский нашел безосновательной⁵⁴.

В феврале 1732 г. И.Ф. Бярятинский решил прийти к военному этапу порученной ему миссии. Воевода надеялся перехватить мятежных владельцев и не позволить им откочевать в соседние государства. К этому времени под его командой состояло 6 драгунских и 2 пехотных полка общей численностью 41619 человек. К ним присоединились 4692 казака из Донского войска и из волжских городов, а также 2 тыс. калмыков из улуса Дондук-Даши и до 2 тыс. калмыков, приведенных разными зайсангами к Церен-Дондуку в Царицын. Однако поход не задался. Драгунские лошади оказались непригодными к длительным переходам. Падеж лошадей вынудил И.Ф. Бярятинского отказаться от преследования Дондук-Омбо и вернуться в Астрахань⁵⁵.

Упустив «главного виновника смуты», И.Ф. Бярятинский обратил гнев против Петра Тайшина, который, по его словам, «склонности никакой к примирению не показал и в непослушании с прочими прибывал». Избегая столкновения с высланными против него из команды Бярятинского донскими казаками, П. Тайшин ушел на Волгу, в городок Красный Яр, где и был взят воеводой под арест и «закован в железа». Его жена также подверглась аресту и вместе с детьми была вывезена в

⁵³ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 74–75.

⁵⁴ Там же. С. 82–83.

⁵⁵ Там же. С. 85–87.

Астрахань. Состоявший при крещеном владельце улус, насчитывавший до 400 кибиток, в котором он объявил себя ханом, «до указу» был передан в управление Дондук-Даши. Скот, захваченный у мятежных калмыков, был отдан донским казакам в качестве вознаграждения⁵⁶.

Сам же П. Тайшин свое задержание и арест считал несправедливыми. Из его показаний следует, что сразу по получении письма от генерал-лейтенанта И.Ф. Борятинского он прикочевал к Астрахани и просил губернатора указать ему место для проживания и кочевки. Но вскоре подошел с войском И.Ф. Борятинский и его улус разбил. П. Тайшин отступил в Красный Яр. Здесь якобы к нему пришло осознание, что именно он является причиной вражды между калмыками и казаками и случившегося между ними кровопролития. Петр решил объясниться с астраханским губернатором, направил к нему нарочного с письмами. Но нарочного задержали, а вслед за ним Борятинский распорядился арестовать и самого П. Тайшина.

В покаянном прошении на высочайшее имя Петр писал, что русским людям он обид не чинил, а воевал только со своими родственниками, за что просил «вину всемилостивейше отпустить» и вернуть отобранный у него улус. Впредь крещеный владелец обещал служить верно и кочевать со своим улусом обособленно от чужих калмыков, если последует повеление по нагорной стороне Волги, в междуречье Волги, Дона и Донца.

Для Петербурга было важно иметь на ханском престоле правителя сильного, авторитетного и, что особенно важно, готового действовать в угоду российским интересам. В разной мере П. Тайшин не соответствовал ни одному из перечисленных критериев. Было очевидно, что он будет оставаться в оппозиции ко всякому обладателю ханской власти, а значит источником нестабильности и смуты. Поэтому Анна Иоанновна под благовидным предлогом решила удалить Петра из пределов Калмыцкого ханства. В ответной грамоте императрица уверила Тайшина во всемилостивейшем прощении, но и в то же время повелела, чтобы «для наивысшего получения Ее Императорского Величества прощения и получения милости в возвращении улусов» он приехал в Санкт-Петербург, взяв с собой жену свою и детей для восприятия святого крещения⁵⁷.

С уходом на Кубань Дондук-Омбо политический кризис в Калмыцком ханстве еще более обострился. Распри начались в окружении хана. Недовольные его властью найоны и те из них, кто прежде предпочитал придерживаться нейтралитета, стали откочевывать со своими улусами на Кубань и присоединяться к оппозиционной группировке. Престижу Дондук-Омбо также способствовали многочисленные вылазки его и его союзников на Дон и Волгу, часто заканчивавшиеся захватом пленных и угоном скота. Так, только за один набег 3 марта 1734 г. сын Доржи Назарова, Лубжа, с 7-тысячным отрядом атаковал улусы Дарма-Балы, Галдан-Данжина и Шакур-ламы, а также охранявший их отряд драгунов, и захватил более 4 тыс. кибиток. В феврале 1735 г. на соединение с группировкой Дондук-Омбо выдвинулся 10-тысячный улус Доржи Назарова. В итоге численность укрывшихся на Кубани калмыков превзошла население Калмыцкого ханства⁵⁸.

К 1735 г. неспособность Церен-Дондука прекратить междоусобные распри стала очевидной. Негативное впечатление о калмыцком правителе усиливали сообщения о злоупотреблении алкоголем. В сложившихся обстоятельствах внешнеполитическое ведомство России и Кабинет министров вынуждены были пересмотреть

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 128–129.

⁵⁷ Там же. Л. 129 об. – 131.

⁵⁸ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста, 2005. С. 103.

отношение к Дондук-Омбо. От требования вернуться в пределы империи и откочевать обратно к Волге и угроз они перешли к уговорам и обещанию передачи «главного над калмыками правления». Высочайший указ, объявлявший Дондук-Омбо наместником Калмыцкого ханства, последовал 7 марта 1735 г.⁵⁹

Отношение российских властей к П. Тайшину служило для Дондук-Омбо своеобразным маркером отношения и к нему самому. В числе выдвигаемых им условий неизменно присутствовало требование: Петра Тайшина из-под караула освободить и улусы его ему отдать. Накануне отъезда из Царицына с П. Тайшина полковником Беклемишевым было затребовано письмо для Дондук-Омбо. Крещеный владделец уведомлял двоюродного брата об отпущении ему вины и освобождении из-под ареста. Он советовал Дондук-Омбо последовать его примеру и просить императрицу о прощении⁶⁰.

С П. Тайшиным, согласно инструкции, обращались как с почетным пленником: «учтиво и вежливо». На прием к Анне Иоанновне он был допущен 29 августа 1734 г. Детали разыгранного во время высочайшей аудиенции церемониала, призванные подчеркнуть раскаяние калмыцкого владельца, приведены в исследовании К.В. Орловой. Все то время, пока В.М. Бакунин переводил его покаянную речь, Петр лежал, распластавшись на полу, не смея поднять головы. Императрица, теперь уже официально, в торжественной обстановке, соизволила простить П. Тайшина. Однако, как бы подчеркивая свое к нему нерасположение, ответную речь от ее имени произнес вице-канцлер А.И. Остерман⁶¹. Следуя традиции, заложенной Петром I, императрица соизволила стать крестной матерью жены П. Тайшина – Церен-Янжи, нареченной, как и ее восприемница, Анной. Крестным отцом новокрещеной знатной калмычки стал Андрей Иванович Остерман, от имени которого было образовано ее отчество – «Андреевна»⁶².

П. Тайшин стремился восстановить доверие императрицы и ее окружения и использовать его в своих интересах. Он регулярно просил деньги на содержание многочисленной свиты и слуг, которых, как следует из ходатайства зайсанга Кирилла Михайлова и других 26 крещеных служителей от 22 ноября 1736 г., при нем «обреталось» 46 человек⁶³. Петр, будучи оторванным от родных степных просторов, продолжал бороться за возвращение отобранного улуса. 20 июля 1736 г. он уведомил Коллегию иностранных дел о том, что для управления своим улусом, насчитывавшим 290 кибиток, им направлены в Царицын крещеный зайсанг Григорий Даши-Джамса и служитель Цархуланг. Тайшин просил Коллегию направить царицынскому коменданту Кольцову указ, предписывающий оберегать его улус «от противных и насильственных случаев» и возвращать принадлежавших ему рядовых калмыков, расхищенных другими владельцами⁶⁴.

В 1735 г. П. Тайшин вновь возвращается к вопросу о передаче под его управление всех крещеных калмыков. В прошении, поданном 23 января 1735 г. вице-канцлеру А. И. Остерману, он ходатайствовал о построении для него крепости на берегу впадающей в Дон реке Иловле и поселении там же всех крещеных калмыков⁶⁵. В сложившейся ситуации вывод крещеных калмыков за пределы ханства являлся безальтернативной возможностью сохранения их в православном исповедании. Но согласия на их размещение на Дону или на территории Астраханской гу-

⁵⁹ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 133–134.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 132.

⁶¹ Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 56.

⁶² Там же. С. 56–57.

⁶³ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 19. Л. 35–35 об.

⁶⁴ Там же. Л. 27.

⁶⁵ Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 57.

бернии правительство дать не могло. Астраханский губернатор И.П. Измайлов уведомлял Коллегию иностранных дел, что в его губернии всех крещеных калмыков собрать в одном месте и обеспечить им надежную защиту невозможно. К тому же предполагалось крещеных калмыков приучить к оседлости и земледелию. Таковых угодий, пригодных для заведения пашни, в Астраханской губернии не имелось⁶⁶.

Забота о поселении крещеных калмыков была передана в ведение Оренбургской экспедиции. В Указе от 6 ноября 1736 г., адресованном начальнику Экспедиции тайному советнику И.К. Кирилову, были изложены первые программные положения российской политики в отношении крещеных калмыков. Поселить их предполагалось на отведенной территории в безопасном месте. Все калмыцкие переселенцы должны были перейти под единоначальное управление Петра Тайшина. Для него и зайсангов предполагалось построить двор, остальным калмыкам дозволялось жить в кочевьях, с тем чтобы «и тех калмыков к поселению дворами и к пашне приохочивая приводить». За счет даруемых льгот и привилегий им предписывалось обеспечить такие условия, чтобы «и прочим к крещению и тамошнему пребыванию охоту подать»⁶⁷.

После года поисков подходящего места было решено разместить крещеных калмыков в Самарском Поволжье, на луговой стороне Волги, напротив Жигулевских гор. На берегу Волги в урочище Кунья Воложка была построена крепость, нареченная в 1739 г. Ставрополем. В ее окрестностях по берегам Сока, Кондурчи, Черемшана и других малых рек были построены слободы для калмыцких переселенцев. Реализацию правительственного плана не остановила даже смерть Петра Тайшина, случившаяся в начале 1737 г. и отсутствие у него наследников по мужской линии. Его два сына и дочь умерли в период царицынского пленения⁶⁸. 20 июня 1737 г. императрица подписала Высочайшую грамоту, на основании которой Анна Андреевна Тайшина возводилась в княжеское достоинство и все крещеные калмыки переходили в ее ведение и управление⁶⁹.

Поселение крещеных калмыков на Средней Волге более чем на сто лет пережило инициатора своего основания, Петра Петровича Тайшина, и внесло существенный вклад в хозяйственное освоение и обеспечение обороны обширного Оренбургского края.

Выводы

В силу принадлежности к ханскому роду и амбициозным претензиям на верховную власть в Калмыцком ханстве крещеный владелец Петр Петрович Тайшин на протяжении десяти лет находился в эпицентре политической борьбы за ханский престол. Российским правительством ему отводилась роль проводника имперских интересов в Калмыцком ханстве. Давая согласие на смену исповедания, П. Тайшин надеялся обрести надежного союзника и покровителя в лице самого российского императора. Организованные на самом высоком уровне торжества по случаю крещения калмыцкого владельца и его зайсангов, участие в них первых лиц государства и самого Петра I в качестве восприемника, казалось, подтверждали эти надежды.

Не менее завышенные ожидания от крещения знатного калмыцкого владельца были и у российской стороны. Петр I был уверен, что примеру П. Тайшина последуют рядовые калмыки, а за ними подтянется и знать. В представлении царских

⁶⁶ Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство... С. 108.

⁶⁷ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8.

⁶⁸ Орлова К. В. История христианизации калмыков... С. 54.

⁶⁹ Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург, 2014. С. 80.

сановников калмыки отождествлялись с язычниками. Ими не учитывалась степень влияния буддийского духовенства на калмыцкий народ и его правителей, как и тот факт, что калмыки воспринимали буддизм как государственную религию.

По возвращении в Калмыцкое ханство П. Тайшин вынужден был подчиниться своему старшему брату Дасангу, враждебно относившемуся к его вероисповедальному выбору. К неудовольствию российских властей П. Тайшин примкнул к оппозиционной калмыцкому хану партии калмыцких владельцев и после смерти старшего брата стал открыто оспаривать право на ханский престол. К тому же он не смог, а возможно и не хотел оказать должного содействия православной миссии, с начальником которой у него сложились неприязненные отношения.

Военное вмешательство России в междоусобный конфликт, пленение П. Тайшина и последовавшая вскоре вынужденная замена верховного правителя Калмыцкого государства стали поводом для корректировки правительственного курса в отношении крещеных калмыков. Было принято решение об их переселении на территорию России. В результате в Калмыцком ханстве исчез очаг социальной напряженности, а Россия приобрела людские ресурсы для заселения пустующего пространства в Среднем Поволжье, а позднее и в Оренбургской губернии. Так в силу сложившихся обстоятельств, была реализована инициатива Петра Тайшина о передаче в его управление всех крещеных калмыков и об их поселении в отдалении от Калмыцкого ханства.

Рукопись поступила: 12 января 2020 г.

Submitted: 12 January 2020

Библиографический список

- Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 153 с.
- Гурий.* Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2–3. С. 271–327.
- Джунджузов С.В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. 434 с.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 172–191.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 494–524.
- Зудина В.Н., Перла Н.Ю.* Ставропольские калмыки и буддизм в пространстве юго-восточного фронта Европейской России в XVIII–XIX вв. (к вопросу о сохранении традиционной веры) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8/2. С. 87–100.
- Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Часть I. Яицкое войско, от образования войска до переписки полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уральск: Войсковая типография, 1911. 1013 с.
- Орлова К.В.* История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М.: Восточная литература, 2006. 207 с.
- Ряжев А.С.* Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII вв. Ростов-на-Дону: Южный научный центр, 2011. 320 с.
- Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 159 с.
- Цюрюмов А.В.* Начальный этап династийной войны в Калмыцком ханстве в 20–30-е гг. XVIII века // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 40. С. 54–60.
- Шовунов К.П.* Ставропольское калмыцкое войско // Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии. Сборник научных трудов. Элиста: КИОН РАН, 1974. С. 230–246.

References

- Bakunin, V.M. *Opisaniye kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochineniye 1761 goda*. Elista: Kalmykskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1995 (in Russian).
- Guriy. "Pervaya pravoslav'naya missiya kalmykov i yeye istoricheskaya zhizn'." *Pravoslavnyy sobesednik*, no. 2–3 (1914): 271–327 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V. *Kalmyki v Srednem Povolzh'ye i na Yuzhnom Urale: imperskiye mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniya etnicheskoy identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII – pervaya chetvert' XX veka)*. Orenburg: OGAU Publ., 2014 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V., and Lyubichankovskiy, S.V. "Missionary activities of Nikodim Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1723–1734)." *The New Historical Bulletin*, no. 3 (2017): 172–191 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V., and Lyubichankovskiy, S.V. "Impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on the construction of relations between the Russian Empire and nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia (based on materials from Orenburg Expedition)." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (2019): 494–524 (in Russian).
- Zudina, V.N., and Perla, N.Yu. "Stavropol Kalmyks and buddism on the territory of South-Eastern frontier of European Russia in the XVIII–XIX centuries (to the question of preservation of traditional faith)." *Bulletin of Samara State University*, no. 8/2 (2012): 87–100 (in Russian).
- Karpov, A.B. *Ural'tsy. Istoricheskiy ocherk. Chast' I. Yaitskoye voysko, ot obrazovaniya voyska do perepisi polkovnika Zakharova (1550–1725 gg.)*. Ural'sk: Voyskovaya tipografiya Publ., 1911. (in Russian).
- Orlova, K.V. *Istoriya khristianizatsii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX v.* Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2006 (in Russian).
- Ryazhev, A.S. *Volzhskiyе Stavropol'skiye kalmyki: seredina 30-kh gg. XVIII v. – pervaya polovina XIX v. Dokumenty i materialy. Stavropol'skoye kalmytskoye voysko v seredine 30-kh – 60-ye gg. XVIII vv.* Rostov on Don: Yuzhnyy nauchnyy tsentr Publ., 2011 (in Russian).
- Tsyuryumov, A.V. *Kalmytskoye khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiynykh mezhdousobits*. Elista: Dzhangar Publ., 2005 (in Russian).
- Tsyuryumov, A.V. "The initial stage of the dynasty war in the Kalmyk Khanate in the 20–30s. XVIII century." *Vestnik of Kalmyk University*, no. 40 (2018): 54–60 (in Russian).
- Shovunov, K.P. *Stavropol'skoye kalmytskoye voysko // Aktual'nyye voprosy leninskoy natsional'noy politiki partii. Sbornik nauchnykh trudov*. Elista: KION RAN Publ., 1974 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Джунджузов Степан Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Stepan V. Dzhundzhuzov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University.